

духовной культуры несколько иное осмысление: главным, по мнению исследователя, в нем оказался мотив преступления перед церковью, наказания, духовного перерождения и искупления греха. На лексическом уровне это воплощается в др.-англ. *gelt, gylt* (совр. *guilt*), имевшем исходное значение 'долг, покаяние; грех' [16, p. 28]. Надо отметить, что данная этимология англ. *guilt* не является общепринятой. Так, Е. Викли, считая в данном случае исходным значение 'плата, долг' в материальном смысле, соотносит этот корень с др.-англ. *guild* 'золото, деньги' [14, p. 674]. Употребленное именно в таком значении в переводе Евангелия (*Forgyf us ure gyltas*, Мт., 6 : 12), оно затем получило и абстрактный смысл, сохраняющийся до сих пор [22, p. 133]. В других словарях этимология данной лексики отмечается как неясная [23, 24].

Совершенно иной путь семантического развития мы видим в шотландском, в которой основной акцент в интерпретации данного сложного поведенческого комплекса пошел на мотив ужаса: отсюда и его основные значения — 'ужас, страх; трусость; паника, безумие'.

По близкому пути пошла эволюция значения и в самом ирландском языке, в котором также главным мотивом всего сложного поведенческого комплекса оказался мотив жизни в лесу и уподобления героя дикому зверю. Причем если в хранящем память о языческой инициальной практике Уэльсе поведение Мерлина трактовалось как ритуальный возврат к дикости, в христианской Ирландии аналогичное поведение Суибне уже рассматривалось как безумие.

Уже в поэме начала IX в., повествующей о споре Финна с его сыном Ойсином, слово *geilt* в устах последнего звучит как оскорбление, намекающее на трусость Финна:

In geilte ... for rith sunde tíar nícon óclaig, is fer lfath [3, p. 122]
(Безумец, который бежал тогда на запад, не юноша, а седой муж).

Специфическое значение лексики, указывающее на некий узус, мы встречаем в тексте, рассказывающем о битве между верховным королем Ирландии Фергалом, сыном Майльдуна, и Кахалом, сыном Фингина, королем Лейнстера (битва у Аллена, 722 г.). Верховный король и его приближенные были убиты, причем о девяти из них говорится:

His totus numerus de regibus ceciderunt, et alii novem volatiles [25, p. 55].

Несомненно, за словом *volatiles* стоят все те же *gelta*, в ужасе бежавшие с поля битвы, что подтверждается и другими источниками. Ср. в Анналах:

os naoi ngelti dib do dol for geltacht [3, p. 122]

(«и девять из них стали безумными» — о войнах, бежавших с поля битвы). Или (в Анналах Тигернаха):

Alii IX volatiles. I. geltai [26, p. 229].

Примеров подобного типа можно встретить достаточно много. Таким образом, в контексте битвы лексема *geilt* имеет, как мы пытались показать, специфическое значение — «воин, потерявший рассудок от ужаса и бежавший с поля битвы». Причем, как кажется, данное словоупотребление, за которым стоит, возможно, вполне конкретная реалья, ограничено определенными временными рамками. Так, в саге XV в., повествующей о битве Финна с королем Франции, описано безумие, охватившее последнего в ходе сражения (он бросает оружие и бежит в долину *Glenn Bolcain*), однако термин *geilt* при этом уже не употребляется.

Видимо, это объясняется тем, что к данному времени *geilt* утрачивает описанное нами узкое значение и приобретает значения более широкое — 'сумасшедший, безумный'. Именно это последнее значение и сохраняется за лексемой на современном этапе, что подтверждается многочисленными новообразованиями: так, если слово *geltacht* (*gealtacht*) со значениями